

Борис Юрьевич ЗУЙКОВ

родился 24 мая 1953 года в городе Твери в семье Юрия Дмитриевича Зуйкова и Риммы Борисовны Некрасовой.

Окончив восьмилетку, Борис стал работать грузчиком. А когда пришла пора проходить службу в армии, оказалось, что по состоянию здоровья он к ней не годен. В ту пору это известие было для него постыдным – пришлось уехать в Архангельск.

В январе 1979 года, вернувшись в Тверь, год проработал на Калининской шелко-ткацкой фабрике помощником мастера. В 1981 году Зуйков успешно прошел творческий конкурс в Уральский государственный университет на факультет журналистики, но учиться по семейным обстоятельствам не пришлось.

В этом же году он переехал в город Тюмень, работал грузчиком на заводе ДСП-250 и штатным сотрудником малотиражной газеты предприятия. Затем подался на Север. В Советском появились первые публикации рассказов и начата работа над романом «Белогорье». Завершая роман, работал егерем, охотником-промысловиком.

В 1987 году переехал в город Ханты-Мансийск. В 1993 году после опубликования в московском издательстве «Мария» романа «Белогорье» поступил на высшие курсы при Литературном институте им. А.М. Горького.

В 1994 году принят в члены Союза писателей России.

Ушел из жизни 13 июля 2014 года. Похоронен в городе Твери.

Михаил РЯБИЙ

О «БЕЛОГОРЬЕ» БОРИСА ЗУЙКОВА

Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить все, что принесет мне настоящий день, дай мне всецело предаться воле Твоей святой. На всякий час сего во всем наставь и поддержи меня. Какие бы я ни получал известия в течение дня, научи принять их со спокойной душой и твердым убеждением, что на все святая воля Твоя! Во всех моих делах и словах руководи моими мыслями и чувствами! Во всех непредвиденных случаях не дай мне забыть, что все ниспослано Тобой! Научи меня правильно и разумно действовать с каждым членом семьи моей, никого не огорчая, никого не смущая! Господи, дай мне силу перенести утомление наступающего дня и все события в течение его! Руководи моей волей и научи меня молиться, надеяться, верить, любить, терпеть и прощать. Аминь.

Молитва оптинских старцев

Человек, который поистине любит чтение, обязательно не пройдет мимо палатки, где можно приобрести всякие подержанные книги. Они не выделяются твердыми переплетами с золотым тиснением – вид у них самый что ни на есть скромный...

Именно там, пожалуй, можно обнаружить роман Бориса Зуйкова «Белогорье». Часть его рассказов рассыпана в журнале «Наш современник», аль-

манахе югорских писателей «Эринтур», в газетах «Литературная Россия» и «Литературная Югра» рубежа 1990-х–2000-х.

С автором я познакомился в Ханты-Мансийске на излете XX столетия. Помню, выступал с каким-то докладом в Доме писателей, и после ко мне подошел не молодой, не старый человек и представился: «Борис!» Мы познакомились и, как это водится в писательской среде, закрепили нашу встречу беседой у камина. Потрескивали щепки в огне, мы уже сделали не один глоток из рюмок – и Борис Юрьевич начал неторопливый рассказ о себе.

С образованием поначалу у Бориса не заладилось, как с работой и здоровьем, поэтому окончил он только восемь классов, устроился грузчиком, к службе в армии оказался не годен. Это было для него настолько постыдным, что пришлось уехать в Архангельск.

На Севере – с 1980 года. Работал в Тугринском лесничестве. В ту пору он уже писал стихи и знал много наизусть из отечественной поэтической классики.

Робея, отправил свои вирши в районную газету «Путь Октября» – и оттуда пришло письмо – с ним хотели познакомиться поближе, и после общения посоветовали поступать в Уральский государственный университет на факультет журналистики. Уже в следующем году он успешно прошел творческий конкурс, но учиться по семейным обстоятельствам не довелось.

Снова переезд, на этот раз из поселка Коммунистического в Тюмень: опять работал грузчиком на заводе, пока не разглядели талант, предложив место сотрудника в малотиражке. И снова не сиделось на месте: 1982-й – Самза, а затем поселок Советский. Казалось, здесь осел надолго в качестве работника лесокомбината и внештатного сотрудника газеты «Путь Октября».

Именно с той поры занятия литературой стали поглощать все свободное время: появились публикации рассказов и начата работа над романом «Белогорье», а закончена она была в деревне с певучим названием – Заречное Октябрьского района, куда Борис Юрьевич переехал в 1983 году. Завершал роман уже егерем, а затем охотником-промысловиком.

В 1987 году переехал в Ханты-Мансийск: трудился на авиационной леосохранной базе, потом – слесарем. Словом, куда только судьба не бросала!

Вместе с писателем Еремеем Айпиным ездил на реку Аган за экспонатами для парка-музея «Торум-Маа» в столице округа. В 1990 году стал участником первого съезда коренных малочисленных народов Севера. В это время возглавлял Ханты-Мансийское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Проанализировав работу отделения, на конференции 1992 года объявил о самороспуске организации и приступил к подготовке документов по организации общества, которое бы занималось сохранением археологических памятников.

В 1993 году после выхода в московском издательстве «Мария» романа «Белогорье» поступил на высшие курсы при Литературном институте имени А.М. Горького.

В 1994 году принят в члены Союза писателей России.

По возвращении стал главным специалистом центра «Наследие», который занимался охраной историко-культурных памятников Югры.

С 1996 года входит в состав редакционного совета альманаха писателей Югры «Эринтур», помогал ответственному секретарю писательской организации Югры Николаю Коняеву в качестве литературного консультанта.

Когда мы с ним встретились, редактировал газету «Литературная Югра» и продолжал работу над второй частью трилогии «Белогорье» – «Дух золотого камня».

О чем тогда попросил меня Борис? Внимательно прочесть первую часть его будущей трилогии «Белогорье» и поделиться впечатлениями человека, не чуждого художественной словесности.

Роман я внимательно перечел, хотя подходил он в большей степени под рамки жанра малой прозы – повести. Потом-то я догадался, почему Борис упорно называл свое детище «романом». Оно было задумано как широкая картина провинциальной жизни северной глубинки 1980-х годов. Профессионал высокого класса Владимир Николаевич Крупин, сам из семьи лесничего, человек православный и принципиальный, хорошо прошелся по этому произведению своим пером, как хирургическим ланцетом. И хотя «несшитость» некоторых мест едва бросалась в глаза, чувствовалось, что некоторые персонажи, как и сам герой, частично утратили свою конкретность. Зато книга получила жизнь!

Знакомясь с «Белогорьем», у меня было радостное чувство открытия нового автора с большим творческим потенциалом, он хорошо знал, о чем писал, и в этом было достоинство прозы. Правда, после окончания чтения я почувствовал тяжесть на душе, поскольку счастливого финала ожидать не приходилось ...

Сам Зуйков был прозаик негромкий, критики его вовсе не поминали: так и осталось его творчество без того внимания, что сопровождало каждую новую серьезную вещь многих других северных авторов...

Готовя литературно-критическую статью по адресу «Белогорья», я вспомнил слова Виссариона Белинского: «Шум, конечно, не всегда одно и то же со славою, но без шума нет славы». Мне искренне хотелось «шума» вокруг несостоявшегося романа, поскольку в реальной жизни на Севере я встречал персонажи из книги, которые продолжали существовать уже вне контекста породившей их художественной действительности.

А герой? В нем было так много общего с автором, что стоило с этим образом познакомиться поближе.

В начале повествования перед нами Игорь Крутов – парень, у которого «обида в душе росток пустила». После нескольких лет изоляции от общества государство ему доверило не охрану, а уничтожение своих богатств.

– Слушай, а куда все это увозят? – показал Игорь на огромное пространство, заполненное отходами с нижнего склада.

– Увезят?... – засмеялась Оксана. – Зима придет – обольют солярой и подожгут. Зарево на целый месяц. Мы раньше к таким горящим складам играть бегали. На улице мороз, а возле них – как летом.

– Столько добра... – проговорил Игорь.

– Да ты как с Луны свалился!

Не мог главный герой смириться с появившимся в стране «злым духом» всеобщего разорения. Но начал он не с переделки общества, в которое вернулся из «мест не столь отдаленных»: ведь по большому счету можно сколько угодно болтать о том, что «мы обурели! И не понимаем, что не облагородили эту землю, а обкрадываем ее и пропиваем».

Дело-то ведь не в «разговорах» персонажей, подобных такому, как Эдик Говоров: говорящая фамилия, имя, преуменьшенное от полного – Эдуард – сами за себя говорят. Нет у положительного героя союзников, и никто не собирается ему помогать. Окружение тоже не радует: критиканы, скептики, рвачи, романтически настроенные, не имеющие жизненного опыта, юнцы, ответственные товарищи с портфелями...

Получается, первый шаг к спасению природы должен сделать бывший зэк Игорь Крутов. Северный поэт Петр Суханов как-то заметил по этому

поводу, говоря о Руси: «Каждый, кто любил ее – сидел!..» Игорь не только любит и желает процветания родине – он пытается отыскать тропу к духовному столпу той истины, с помощью которого она – Россия! – еще не рухнула – не развалилась.

Приход главного героя к православию означает для него быть максимально полезным своей Отчизне. Выбор пути очищает и героя, принявшего заряд из ружья на себя, но не допустившего повторного смертоубийства! Путь к истине только через страдание, через распятие на кресте своей совести, через осмысление духовных традиций многострадальной Руси. Крутов потому-то и Крутов, что нашел в себе силы преодолеть эту крутизну, смирить свою гордыню, и пусть, возможно, кому-то он показался слабаком, но для него непотворение злу – совсем не слабость. Это сила, высота духа! К чему ведут распри, нам показывает писатель через видение главного героя.

«Молодая Русь лежит, пробитая стрелой распрей с драгоценным крестом, который нам еще предстоит поднять. Чем раньше мы это сделаем, тем быстрее умрет старуха-атеистка. Я был на том свете, – страшным голосом прошептал Игорь. – Меня старец водил по небесной Руси. Он переворачивал страницы в книге истории, и я видел все... Потом меня смущал сатана, тянулся к моей душе, предлагал богатство и славу, если забуду все и буду молчать. Сатана завладел многими душами и хочет завладеть всеми. Он сказал: «К двухтысячному году вы будете мои». А я вспомнил слова из Писания, которые читал старец, и удивлялся: как же искусен сатана, как силен в борьбе за наши души...

– То, что ты говоришь мне, – погладила Татьяна по руке Игоря, – написано в Библии.

– Но ты не знаешь главного! – воскликнул Игорь и закашлялся. Лицо его исказилось.

– В служанках у сатаны ходит старуха-нигилистка. Через нее толпа теряет свои души, – Игорь опять закашлялся.

– Что еще узнал? – серьезно спросила женщина.

– Я увидел, что природа есть маленькая подсказка человеку в том, что Космос бесконечен. Но мы не верим в то, что есть душа, и этим обрекаем себя на смерть. Мы не верим в Беспредельность и потому смертны».

Крутов сумел преодолеть себя, подставить под удар еще одну щеку, значит, началось духовное возрождение общества, пускай пока с одного его члена, но настало все-таки! Ведь Христос тоже сначала был один! Вспомним один из его заветов: «А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся» (Евангелие от Матфея, 5, 39 – 5, 42).

Быть или не быть России? – так прямо ставит вопрос Борис Зуйков – и сам же на него отвечает: быть! Ибо «мы теперь не одни. С нами Бог».

Повесть «Белогорье» по внешнему виду мрачновата, ощущение, что ты забрел в таежные дебри и плутаешь вдали от родного дома – урманы, урманы... Но если идти вперед целенаправленно, то и беспросветность кончается. Хотя лично мне было жутковато, когда я встречался с некоторыми очеловеченными образами деревьев: «большие, в обхват, сосны, зачем-то затесанные с одного бока, будто убежали ввысь, спасаясь от топора и человеческих рук».

Солнце – теплая радость нашей жизни – в такой чащобе – редкий гость. А ведь в старославянской символике солнце всегда олицетворяло счастли-

вое обновление природы, наступление материнства, ощущение жизненного достатка, спокойной уверенности в завтрашнем дне.

И все же «Белогорье» – вещь солнцелюбивая. Образ солнца предстает в начале романа. Когда герой впервые погружается в воспоминания о своей юности пятилетней давности, о той поре взросления, когда он собирался в армию, то есть предполагал пройти все этапы взросления большинства молодых людей нашей страны, отдавая ей свой первоочередной и, думается, почетный долг. После службы была заветная мечта стать егерем, как и отец. Однако человек предполагает, а Бог располагает: вместо армии Игорь попадает за решетку: он обвинен в убийстве, пусть и неосторожном...

Грустит тайга, словно предчувствуя свое расставание с одним из своих воспитанников, кому она готова щедро передать свои тайны. А может быть, наступила такая пора, когда природа готовится к своему мнимому зимнему умиранию, которое неоднократно упоминается в фольклоре многих народов мира? «Лучи солнца, еще теплые, чуть блеснут в пожухлых листьях и остынут в малиннике».

Игорь только прикоснулся к таинству природы: ручей с чистой и холодной водой не навеивает никаких других желаний, кроме отдыха на пожухлой траве, лежа на ней, так легко мысленно выстраивать собственную жизнь, надеяться на благополучное исполнение всего задуманного... Характерно, что жизнь, внося определенные коррективы в судьбу Игоря, раскрывает ему глаза и на то, как отблагодарили люди мать природу. «Старая, заросшая березняком дорога подвела к обрыву над речкой с упавшими вниз деревьями. Некоторые лесины еще сопротивлялись, цепляясь оголенными корнями за откос, другие уже лежали, беспорядочно навалившись друг на друга».

Таким образом, автор, возможно, сам того не сознавая, с первой страницы связывает судьбу природы с участью человечества.

Когда повествование завершается, мысленно подразумевается вопрос: а появятся ли у нас в стране когда-нибудь настоящие оберегатели тайги? Неблагодарных потребителей пруд пруди, как и всякого рода законников развелось по делу и без дела!

Нельзя удержаться в этой связи от характеристики персонажа – образцового советского труженика, орденосца и прочая... Фамилия у него тоже говорящая – от звукоподражания «хрю-хрю»: бригадир Хрунько. Сколько еще можно встретить по свету таких неблагодарных, корыстолюбивых, свиноподобных людей!

Читать прозу Бориса Зуйкова нелегко – это не просто нравственно-музыкальный процесс – это своего рода участие в приношении жертвы. Ради чего? Хочется надеяться, во имя нашего не сумрачного будущего...

Помню, перелистнув последнюю страницу, мне вспомнились чеховские три сестры.

«О боже мой! Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса, сколько нас было. Но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле, и помянут добрым словом и благословят тех, кто живет теперь. О милые сестры, жизнь наша еще не кончена. Будем жить! Музыка играет так весело, так радостно, и кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем... Если бы знать, если бы знать...»